

Марусенко Михаил Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург
mamikhail@yandex.ru

НОВЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОРЯДОК (ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ)¹

Аннотация. Формирование нового языкового порядка, сопровождающего экономическую и политическую глобализацию, вызвало перестройку мировой системы языков. Доминирующая в XX в. модернистская и этносимволистская парадигма стала неприменимой для объяснения явлений, происходящих в глобализованном мире. Для объяснения происходящих процессов используется гравитационная модель языков. Прежняя модель языкового устройства, основанная на использовании суперцентральных языков бывших империй в качестве международных, вытесняется моделью, осью которой является гиперцентральный язык – английский, доминирование которого обеспечивается скоординированными усилиями англо-саксонских стран.

Ключевые слова: новый языковой порядок; доминирование английского языка; гравитационная модель языков; глобализация

Marusenko Mikhail Aleksandrovich
Saint-Petersburg State University
Russian Federation, Saint-Petersburg
mamikhail@yandex.ru

NEW LANGUAGE ORDER (THE EVOLUTION OF THE WORLD LANGUAGES SYSTEM IN AN ERA OF GLOBALIZATION)

Abstract. Formation of a new language order, accompanying economic and political globalization, caused the restructuring of the global languages system. Dominant in the XX-th century. modernist and ethnosymbolic paradigm became inapplicable to explain the phenomena that occur in a globalized world. For an explanation of this processes the gravitational model of languages system is used. The old model of languages system based on the use of supercentral languages of the former empires as international languages, is displaced by the model, the axis of which is hypercentral language – English. His dominance is provided by the coordinated efforts of the Anglo-Saxon countries.

Key words: new language order; dominance of the English language; gravitational model of languages system; globalization

Мировая система языков находится в состоянии быстрой трансформации под влиянием тех же процессов, которые действуют и в других сферах. Возникновение нового мирового порядка², независимо от того, каким его видят представители тех или иных

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00294.

² Термин «Новый мировой порядок» очень давно используется в политике и является родовым термином для обозначения мировых заговоров, организуемых очень влиятельной этнической группой, включающей самых богатых людей мира, ведущих политиков, руководителей транснациональных корпораций и так называемую европейскую Черную аристократию, во главе которой стоит Британская монархия. Их целью является создание мирового правительства, не ограниченного национальными и региональными правительствами.

идеологий, сопровождается созданием нового языкового порядка, который должен быть изоморфен новой политической и экономической структуре.

Многие страны имеют свои представления о новом языковом порядке и о месте в нем своих национальных языков. Российской Федерации также необходимо определить, какая его структура может соответствовать нашим национальным интересам и какое место в нем должен занимать русский язык, иначе нам придется довольствоваться тем местом, которое ему отведут другие.

Распад Советского союза, произошедший уже более четверти века тому назад, поставил новые задачи перед политиками и географами. Мир уже не разделяется на Запад и Восток, и мировой порядок нуждается в реконфигурации. Арабский историк Ибн Хальдун (1332- 1406) утверждал, что этнические и культурные (читай, религиозные) связи являются более важными, чем географические структуры или уровни экономического развития. В истории человечества общие ценности были важнейшим фактором раздела мира на сферы влияния.

Сегодня много пишут о растущем классе космополитических «неокочевников», которые перемещаются по миру вслед за движением глобального капитала. Однако большая часть этих людей обслуживает интересы этнических группировок в англосфере, синосфере или индосфере.

В мировом порядке, сложившемся после окончания Холодной войны, все было ясно: военная мощь обеспечивает экономическое влияние и поддерживает географические альянсы, и мир должен развиваться внутри сложившихся географических блоков. Авторитетный французский политик Жак Аттали писал в 1991 г., что будущий мир будет разделен на три основных блока: европейский с центром во Франции и Германии, азиатский с центром в Японии и более слабый американский во главе с США [Attali, 1991].

Этот прогноз не подтвердился: Евросоюз оказался менее единым и более слабым экономически, чем надеялся Аттали, Япония два десятилетия находится в кризисе и уже не может претендовать на роль азиатского лидера, тогда как Северная Америка имеет лучшие показатели экономического и технологического развития, чем Евросоюз или Япония.

Самой большой и мощной глобальной группировкой является англосфера, которая претендует на глобальную гегемонию. С точки зрения языка, влияния на глобальную культуру и технологий сегодня она первенствует среди мировых этнических группировок. Немаловажным ее преимуществом перед синосферой и индосферой

является замечательная способность интегрировать другие народы и культуры [Kotkin, 2011, p. 4-5].

Однако на планете возникают и другие сетевые объединения. Так, в Азии создается вьетнамская сфера влияния, которая сопротивляется поглощению синосферой путем установления более тесных связей с США и их союзниками. Сюда же относится и возникновение Исламского государства, представляющего сетевую структуру, создаваемую на основе религиозной общности народов, не всегда объединяемых этническими, культурными или экономическими связями.

Несмотря на значительные различия между территориями, населенными народами, нациями, этническими группами, смешанными группами, космополитами и мультикультуралистами, дискурс работ, посвященных исследованию национализма, постепенно меняется, начиная с 1980-х гг. Доминирующая модернистская и этносимволистская парадигма стала неприменимой для объяснения явлений, происходящих во все более усложняющемся мире, ни в политологическом отношении (проблемы суверенитета, самоопределения, гражданства, миграции и т. д.), ни в отношении проблем идентичности (образование групп, символы и ценности).

Сегодня всем очевидно, что глобализация бросает вызов существованию национального государства. Хотя далеко не все исследователи придерживаются точки зрения, что национализм и национальное государство устарели и обречены на исчезновение, многие считают, что в силу объективных процессов глобализации они должны будут быть заменены альтернативными (не национальными) формами идентичности: национальное государство слишком велико для решения одних задач и слишком мало для решения других; оно слишком велико как хранилище индивидуальной идентичности, но слишком мало для защиты человечества от глобальных вызовов [Green, O' Neill, 2010, p. 63].

Даже в западных странах нет консенсуса относительно природы глобализации. В зависимости от сферы исследования (экономика, политика, безопасность, язык, социология, здравоохранение, окружающая среда и т. д.), возникают различные интерпретации этого понятия.

Хотя важнейшим считается экономический аспект глобализации, возникновение единого рынка и уничтожение экономических границ не только ограничивают возможности национального государства, но влияют и на все остальные сферы, в том, числе, и на языковую. Экономическая власть сосредоточена в экономически развитых государствах Северного полушария и усиливает экономическое неравенство, оставляя остальному миру роль рынка сбыта своих товаров и источника рабочей силы в виде

миграции. Правительства других государств вынуждены подчиняться законам глобального рынка в такой степени, что они уступают свой суверенитет транснациональным предприятиям, межправительственным организациям и международным неправительственным организациям.

В отношении к глобализации сегодня четко выделяются три теоретических подхода: *гиперглобалисты* рассматривают глобализацию как новую эпоху, положившую конец национальному государству и навязавшую всему миру законы глобального рынка. *Скептики* не соглашаются с таким подходом к глобализации и утверждают, что международная экономика разделена на три главных экономических зоны (Северная Америка, Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион), в которых национальные правительства сохраняют свою власть и играют значительную роль в международном обмене. *Трансформационалисты* считают нынешнюю глобализацию исторически беспрецедентной и полагают, что существующие государства и социальные отношения вовлечены в процессы глубоких изменений, в ходе которых они пытаются адаптироваться к новым условиям существования [Garrett, Evans, Williams, 2006, p. 394].

Но все они считают, что сегодня вряд ли можно применять термин «устойчивое развитие» к языковому разнообразию, сложившемуся в мире. Многоязычие не может анализироваться в отрыве от анализа роли английского как глобального языка.

Глобализация создала новую «языковую экосистему», в которой члены языковых сообществ пользуются языками на разных уровнях: этническом, местном, национальном, государственном, надгосударственном и глобальном. Так, местные языки используются, в основном, в межличностном общении, но некоторые языковые группы используют арабский, мандаринский китайский или суахили для коммуникации на государственном или надгосударственном уровнях.

Использование одного главного международного языка во всем мире имеет явные экономические и коммуникативные преимущества. Некоторые исследователи, работающие в парадигме лингвистической экологии, утверждают, что принятие на себя английским роли языка глобальной коммуникации является результатом процесса, шедшего «снизу вверх» (*bottom-up*). С их точки зрения, «английский сам занял место всеобщего мирового супер-языка»: транснациональные корпорации, государства, их органы образования и население всей Земли сами выбрали английский глобальным языком [Bastardas-Boada, 2012, p. 14].

Им возражает Р. Филлипсон, известный специалист по преподаванию английского языка и бывший член Британского совета, который подчеркивает роль США и Британской империи в установлении мирового языкового, культурного и экономического

доминирования, и упрекает тех, кто утверждает, что английский является «нейтральным языком» в покорном принятии американского мирового порядка и империи английского языка [Phillipson, 2009, p. 79].

В 1992 г. Р. Филлипсон, опубликовал книгу [Phillipson, 1992], в которой он раскрыл некоторые положения секретного отчета об англо-американской конференции по определению стратегии экспансии английского языка (*Anglo-American Conference on teaching abroad*), состоявшейся еще в 1961 г. На этой конференции было принято решение, что английский должен стать доминирующим языком и заменить другие языки и создаваемые ими картины мира. Если даже хронологически первым будет изучаться родной язык, то затем английский, благодаря своему широкому употреблению, станет основным языком. Таким образом, была окончательно оформлена коалиция между США и Великобританией в области языковой политики. Совместные действия по распространению английского языка были признаны инструментом внешней политики двух стран, что оправдывало значительные инвестиции в эту область. Кроме того, сфера преподавания английского языка как иностранного была признана важнейшей стороной деятельности университетов по обе стороны Атлантики, заслуживавшей крупных государственных дотаций: *«Преподавание английского языка во всем мире может рассматриваться как продолжение миссии, которая была возложена на Америку, когда нужно было навязать английский в качестве общего национального языка ее собственному иммигрантскому населению»* [The British Council's Annual Report 1960-1961, p. 16].

Стратегия Британского совета, реализуемая с 1950-х гг., направлена на то, чтобы сделать английский мировым языком: это означало, что он должен стать главным вторым языком во всех странах, кроме тех, где он уже является первым. Для этого было необходимо, чтобы британцы и американцы координировали свои усилия в области преподавания английского за рубежом и избегали ненужной конкуренции на пути к общей цели — всемирной экспансии английского языка. Распределение ролей между партнерами обусловлено историческими факторами: *«Менее чем за четыре века английский язык стал доминирующим международным языком в современном мире. В конечном итоге, это замечательное развитие является результатом британских успешных завоеваний, колонизации и торговли в XVII, XVIII, и XIX вв., но оно очень сильно ускорилось благодаря становлению США как великой военной державы и технологического лидера после Второй мировой войны. Этому процессу в сильной степени содействовало выделение огромных сумм бюджетных и частных денег в период*

1950–1970-х гг., возможно самых значительных сумм, за всю историю человечества, потраченных на распространение языка» [Troike, 1977, p. 2].

Особенно важная роль в этом документе отводилась развивающимся странам. В Африке английский вообще должен считаться африканским языком и посредником, при помощи которого африканцы могут выражать свои культурные ценности, и не вступать в конфликт с местными языками. Если страны Британского содружества исторически пользуются английским языком, то страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии сделали из него главный язык науки, технологий и материального прогресса в силу неотложных экономических и технических факторов. Даже те новые независимые государства, которые унаследовали от колониальной эпохи другие европейские языки, особенно бывшие французские колонии, должны вводить или расширять у себя изучение английского.

Когда дело касается использования английского языка в качестве инструмента экономического развития, Британский совет считал, что необходимо отбросить все традиционные ассоциации между языком и британскими институтами, английской литературой или культурными ценностями. В некоторых государствах преподавание английского вообще должно быть лишено всякого намека на культурное доминирование и связь с британской политикой.

Таким образом, своим современным положением английский обязан не своим собственным достоинствам, а целенаправленным усилиям, изменившим его естественное развитие и сделавшим все возможное для его мировой экспансии.

Но удивительнее всего попытки доказать, что Британский совет никак не связан с мировым распространением английского языка, что противоречит более чем 70-летней практике деятельности этой организации. Огромные американские инвестиции в глобальный английский вообще нигде не упоминаются.

К сожалению, многие лингвисты, интересующиеся только инструментальной функцией языка, не уделяют внимания его отношениям с властью, социальными классами и интересами, связанными с использованием языка. Их работы, пропагандирующие «английский для всех», объективно становятся элементами международной бизнес-структуры, нацеленной на развитие и рост международных корпораций и торговли. Это и есть главная цель Европейского союза, действующего в интересах транснационального класса предпринимателей [Phillips, Huff, Higdon, 2014, p. 54-63].

Так, испанские лингвисты А. Бастардас [Bastardas, 2012] и Ф. Вила [Vila, 2013] считают, что устойчивое развитие системы языков может сохраняться, если носители будут добавлять английский к своим индивидуальным наборам языков, и что протесты

лингвистов и политиков не имеют под собой никаких оснований, так как не доказано, что он представляет угрозу существованию национальных языков с малым и средним числом носителей. Распространение английского среди членов всех языковых групп не оказывает большого влияния на межличностную коммуникацию, которая продолжает осуществляться на национальных языках. Этим они, якобы, отличаются от моноязычных носителей кастильского или русского языков, которые представляют угрозу для таких языков, как каталанский, эстонский или латышский. По их мнению, конкуренция между национальными языками происходит на национальном, а не международном уровне. Глобализация только косвенно влияет на эту конкуренцию: она провоцирует новые миграционные потоки, которые приносят с собой новые языки и идентичности, вступающие в контакт с автохтонными. По Бастардасу, трудности поддержания устойчивого развития языков находятся на этом нижнем уровне, а английский функционирует на глобальном уровне. Учитывая, что язык имеет две главные функции, коммуникативную и идентичностную, Бастардас утверждает, что английский, используемый как международный язык, выполняет «нейтральную» и коммуникативную (но не идентичностную) функции. В качестве примера он приводит Индию, где английский позволяет избегать конфликта с национальными языками, выполняя, в основном, инструментальную функцию. Кроме того, он позволяет избегать конфликта между самими национальными языками, снимая проблему доминирования одного из них. Он предполагает, что такую же роль английский может играть, например, в Швейцарии, где сосуществуют четыре национальных языка, но ни один из них не играет объединяющей роли.

Бастардас пытается доказать, что устойчивое языковое развитие совместимо с глобализацией и что использование английского в качестве международного языка не оказывает негативного влияния на языковую экосистему. При этом он упрощает инструментальное использование языков и игнорирует влияние языковых идеологий, когда заявляет, что английский может быть нейтральным языком. Он придерживается утопической версии существования гармоничной языковой экосистемы [Bastardas-Boada, 2013].

Идея о том, что главным фактором эволюции системы языков являются их собственные достоинства (подобие естественного отбора в биологических системах), распространяется в мире с XVIII в. благодаря А. Ривароллю, который в 1783 г. стал одним из двух победителей конкурса, проводимого Берлинской королевской академией наук и литературы, на лучшее сочинение на тему: «Что сделало французский язык универсальным? Почему он заслуживает эту привилегию? Сможет ли он сохранить ее?».

Ривароль, проанализировав «недостатки», присущие немецкому, испанскому, итальянскому и английскому языкам, с особым удовольствием подчеркивая несовершенство английского языка, считал основой универсализма французского языка географическое положение Франции, ее политическую систему, климат, гений писателей, характер жителей и т. д. Второй победитель этого конкурса, немец И. Шваб, напротив, считал, что превосходство французского языка основано на политических, экономических и военных факторах, а не на внутренних достоинствах языка: в то время Франция была самой богатой страной континента, имела самую большую армию и военный флот, насчитывающий более 200 боевых кораблей [Марусенко, 2011, с. 137-138].

Еще У. Черчилль называл глобальное доминирование США «мировой ответственностью». В 1943 г. существование Британской империи находилось под серьезной угрозой, а участь Великобритании во Второй мировой войне зависела от американской военной мощи и поставок из США. В это время в Лондоне состоялась конференция министров образования стран-союзниц, на которой рассматривался один вопрос – о том, что языком послевоенного устройства мира должен быть английский.

Черчилль приписал Бисмарку высказывание о том, что самым важным фактором развития человечества в конце XIX в. было то, что британский и американский народы говорят на одном языке. Никаких подтверждений этому нет, однако очевидно, что после 1945 г. Соединенное королевство, как и другие западноевропейские страны, стало государством-клиентом США.

В речи, произнесенной по случаю присуждения ему звания почетного доктора Гарвардского университета в 1943 г., Черчилль изложил план, как сделать английский доминирующим мировым языком: *«Дар общего языка является бесценным наследием и вполне может однажды стать основой для общего гражданства... Я не вижу, почему мы не можем попытаться распространить наш общий язык повсюду в мире...»* [Churchill, 1943].

В 1947 г. была создана секретная глобальная система слежения «Эшелон», в которую вошли пять англоязычных стран: США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Для оптимального достижения целей электронного шпионажа за всем миром было принято решение о максимальном способствовании перехода всех стран на английский язык.

Большинство американцев продолжают считать, что вся планета является продолжением Соединенных Штатов. Вся информация, распространяемая американскими телеканалами, направлена на создание у зрителей впечатления, что весь мир говорит по-английски. Так, независимо от того, в какой стране происходит дело, камера всегда

снимает надписи на английском языке. Журналисты всегда стремятся брать интервью у людей, говорящих по-английски, в результате чего зрители действительно верят, что весь мир говорит на их языке.

Все СМИ, как электронные, так и печатные, распространяют рекламу английского языка. Из них читатели узнают, что нужно говорить по-английски, потому что это объединяет народы, навсегда ликвидирует войны, обеспечивает планетарный экономический обмен, снижает риски агрессивности, возникающие между народами, и, в любом случае, это язык будущего. Все эти рекламный лозунги, построенные по модели «Наш товар самый лучший», не предполагают даже возможности возражений или рассуждений на эту тему.

В экономическом отношении США и Великобритания продают по всему миру свои культурные продукты, а также хорошо зарабатывают на обучении английскому языку, ставшем высокорентабельной отраслью национальных экономик, а все неанглоязычные страны вынуждены финансировать изучение английского языка своими гражданами и оплачивать стоимость переводов с английского языка и на него.

В идеологическом отношении вынужденное использование английского языка заставляет национальные элиты неанглоязычных стран использовать концепты, выражаемые на этом языке, и разделять переносимое им мировоззрение. Мультипликативный эффект воздействия экономических и идеологических факторов приводит к еще большему усилению позиций английского языка. Похоже, что сбывается предсказание У. Черчилля, сделанное им на заседании кабинета министров в 1943 г.: «*Это будет англоязычный век*».

Впервые с конца XIX в. доминирование одной державы сопровождается открыто легитимизирующим дискурсом. Так, Ч. Краутхаммер, один из идеологов новых американских правых, утверждавший, что после разрушения Карфагена Римом ни одно государство не достигало таких высот, как Америка, писал в 1998 г.: «*XVIII век был французским, XIX — английским, а XX — американским. Следующий также будет американским*».

Усилению роли английского языка способствовала уникальная историческая конъюнктура: *Pax Americana* последовал за *Pax Britannica*, сохранив тот же доминирующий язык, как если бы за Римской империей возникла бы другая империя, в которой доминировал тот же латинский язык.

Многие американцы совершенно искренне не понимают, почему другие народы не хотят переходить на английский, что сделало бы их жизнь намного проще и устранило бы причины многих конфликтов. Ведь если бы все придерживались их порядков, их

ценностей и их демократии, на земле наступил бы всеобщий мир. В эту же парадигму входят единый язык и единая культура, и все это соответствует англосаксонской протестантской идеологии (*WASP – White Anglo-Saxon Protestants*), согласно которой англосаксы являются богоизбранным народом, предназначенным для колонизации Америки и утверждения идеалов свободы во всем мире. С этой точки зрения, возможность пользоваться во всем мире единым языком является продолжением того же «божественного выбора». И, соответственно, многоязычие рассматривается либо как утопия, либо как фольклорный пережиток.

Поскольку экспансия английского языка является реальной целью США, все конкурирующие языки, даже большие мировые, относятся к разряду региональных, устаревших или даже архаичных. Но основным недостатком других языков для американцев считается отсутствие у них универсальности. Многие считают, что страны Юга бедны потому, что из-за непонятного упрямства там в школах преподаются их национальные языки, а матери из-за того же упрямства говорят с младенцами на своем родном языке. Английское одноязычие представляется символом единства и эффективности, а многоязычие — злом и источником конфликтов.

Точное определение американской языковой идеологии дано американским лингвистом Р. Барчфилдом: *«Любой образованный человек в мире подвергается лишениям, если он не владеет английским языком. Конечно, крайняя бедность или голод признаются самыми жестокими и возмутительными формами лишений. Когда они касаются только языка, их не замечают, но от этого они не становятся менее значимыми»*. Барчфилд утверждал также, что *«любой интеллеktуал нуждается в английском, так же как любой человек нуждается в пище»*, а лишение интеллеktуала английского языка приравнивается к преступлению [Burchfield, 1985, p. 12].

Понятие *языковой империализм*, входящее в более объемное понятие *культурный империализм*, обычно определяется как *«культурное доминирование при помощи языка»*. Р. Филлипсон, автор этого термина, пошел гораздо дальше: *«Языковой империализм есть разновидность лингвоцида, осуществляемого при помощи структур и идеологий и закрепляющего несправедливое обращение с группами, идентифицируемыми по языку»* [Phillipson, 2012, p. 115-126]. Языковой империализм — это явление, сравнимое с расизмом, гендерной дискриминацией и классовыми предрассудками.

Основные усилия США и Великобритании были направлены на подготовку преподавателей английского языка, на разработку программ и учебно-методического обеспечения, а также на изменение образовательной политики других стран в сфере школьного и университетского образования. При этом политические цели явно

превалировали над учебно-методическими: *«Преподавание английского людям, говорящим на нем не от рождения, может навсегда изменить восприятие мира обучаемыми. Если и когда новый язык становится по-настоящему употребительным в слаборазвитой стране, мировоззрение учащихся полностью меняет свою структуру. Министерство образования, испытывающее давление со стороны националистов, может неправильно оценивать интересы страны. Националистические взгляды могут похоронить всякую надежду на использование английского как второго языка. Английский стал не только выразителем современных мыслей и чувств англоязычного мира, но и носителем всей гуманистической традиции развития всего наилучшего (и наихудшего), что было осмыслено и прочувствовано человечеством с тех пор, когда появилась письменная история»*[Phillipson, 1992, p. 47]. Таким образом, английский является единственным языком, в котором нуждается современный мир. Конечно, новые независимые государства могут, под давлением национализма, быть настолько неразумными, чтобы сопротивляться внедрению английского, но в таких случаях нет необходимости считаться с их волей: *«В подобных случаях их пожелания могут быть отклонены»* [Ibid.]. В принципе, конечно, неанглоязычные страны могут сами определять свою политику в сфере изучения иностранных языков, но они нуждаются в советах, позволяющих понять, в чем заключается их выгода. Так, если министры образования других государств не соглашались с такой постановкой вопроса, будучи ослепленными узко националистическими интересами, долг представителей англоязычных наций заключается в том, что давать им советы или, при необходимости, требовать их замены на других, более лояльных: *«Если какой-нибудь министр образования неадекватно оценивает интересы своей страны, следует напомнить ему, что английский язык является носителем всего, что было осмыслено и прочувствовано в течение многих веков, а также ключом к блестящему будущему, ожидающему нас»* [Phillipson, 1992, p. 167]. С этой точки зрения, внедрение английского языка имеет целью не только замену одного языка на другой, но и навязывание других ментальных структур и целостного мировоззрения, свойственного американским англосаксам.

Внедрение английского языка в неанглоязычные страны всегда начинается со смены языка национальных элит. В этом вопросе англосаксы просто используют исторический опыт. В Римской империи более 2000 лет назад использовалась та же стратегия порабощения народов. Тацит так описывал покорение Британии его тестем Гнеем Юлием Агриколой: *«Юношей из знатных семейств он стал обучать свободным наукам..., и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание*

одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиришествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью» [Тацит, 1993, с. 21].

А затем, благодаря массовому изучению английского представителями среднего класса, неанглоязычные страны постепенно ассимилируют англосаксонские ценности. В идеале, «аборигены» должны начать положительно относиться к тому, что выдается за их национальные интересы. Маленькие дети во всем мире, благодаря раннему изучению английского языка, отказываются от своей родной культуры, кажущейся им неполноценной, и впитывают доминирующую англосаксонскую культуру. Таким образом, англоязычный языковой империализм постоянно воспроизводит структурные и культурные неравенства между английским и другими языками.

Чем шире будет распространяться изучение английского языка, тем сильнее будет колониальное влияние США и Великобритании на национальные общества англоязычных стран. В любом случае, победителями в англизации будут только англосаксы, поскольку она осуществляется целиком за счет других стран. Так, любая международная организация, применяющая английский язык, автоматически попадает под контроль англофонов от рождения, поскольку только они могут гарантировать качество английского языка. Однако если бы неанглоязычные страны запретили у себя изучение английского языка, это вызвало бы народные волнения, до такой степени социальный рост и повышение благосостояния связаны с владением английским.

Сегодня английский находится на вершине языковой иерархии. Распространение английского языка маргинализирует остальные языки и препятствует их изучению. Эта политика лингвоцида ведет свою историю от языкового империализма, созданного во время колонизации Британских островов (навязывание английского в Уэльсе, Ирландии и Шотландии) и Северной Америки (уничтожение языков коренных народов, а затем иммигрантских языков).

Для изучения влияния глобализации на языки мира используется гравитационная модель системы языков. Население земли говорит на большом числе языков, которое составляет около 7000³. Традиционно эти языки группируются в семьи в зависимости от их происхождения, но вся система в целом находится в хаотически неупорядоченном состоянии. Исходным положением для приведения ее в состояние порядка является идея, что языки соединяются между собой через билингвов и что системы билингвизма имеют

---

³ Согласно последнему изданию *Ethnologue: Languages of the World* в мире насчитывается 7097 известных живых языков // www.ethnologue.com/web.asp.

строгую иерархическую структуру, определяемую силовыми отношениями между языками.

Отношения между языками можно изобразить в виде орбит, осями которых являются языки-посредники разных уровней. В эпоху модерна и национальных государств осями таких орбит были суперцентральные (бывшие имперские) языки: английский, немецкий, французский, русский, турецкий. Вокруг них вращались центральные языки. В случае русского языка ими были языки, позднее ставшие государственными языками советских республик, а также другие языки, используемые на территории бывшей Российской империи, но не получившие официального статуса после революции.

Сегодня осью всей системы является гиперцентральный язык (английский), носители которого от рождения имеют сильно выраженную тенденцию к моноязычию. Вокруг гиперцентрального языка вращаются с десятков суперцентральных языков (испанский, французский, русский, хинди, арабский и т.д.), носители которых при изучении второго языка выбирают либо английский, либо язык того же уровня, т.е. суперцентральный. Эти языки являются осями орбит, на которых расположены 100-200 центральных языков, к которым тяготеют 6–7 тысяч периферийных языков.

В этой трехмерной пирамидальной модели, элементы которой связаны билингвизмом, в самом опасном положении оказываются периферийные языки, которые почти никогда не используются в качестве вторых языков и чья жизнеспособность полностью зависит от выживания сообществ, в которых они являются первыми (материнскими) языками [Calvet, 2007, p. 45-46].

Гравитационная модель дает абстрактное представление об отношениях между языками, которое принимает конкретный характер в определенном месте, в определенной ситуации и для определенных носителей. Сегодня осью всей системы является гиперцентральный язык - английский, но эта ситуация может измениться и в будущем его место может занять другой язык.

Сама идея гравитационной модели, а также понятия центра и периферии заимствованы у американского экономиста и политолога И. Валлерстайна, разработавшего теорию мир-системного анализа применительно к отношениям между государствами.

Так, если рассматривать языковую ситуацию на американском континенте с точки зрения использования официальных языков, главными являются три языка: английский, испанский, португальский, распространенные на обширных территориях, и четвертый язык - французский, с меньшим числом носителей и территориально разбросанный. В то

же время, на этом континенте используются 15% существующих в мире языков, т.е. около 1 000 языков. Однако с точки зрения официальных языков, всех этих языков как бы не существует, за исключением инуитского (эскимосского) языка, имеющего статус официального на части территории Канады, и языка гуарани, имеющего статус коофициального в Парагвае.

Такая же картина существует в Африке, где используются 30% существующих в мире языков, т.е. более 2000, из которых только десяток имеют *статус официальных*: арабский, амхарский, английский, французский, португальский, суахили и т.д. То же самое - в Тихоокеанском регионе, где говорят на 1300 языках, среди которых несколько официальных.

Классификация мировых языков, полученная при помощи гравитационной модели, отражает неустойчивую конфигурацию силовых отношений между языками.

Положение языка в гравитационной модели определяет все параметры его употребления, например количество переводов с этого языка и на этот язык.

Таким образом, глобализованная мировая система языков, представленная при помощи гравитационной модели, свидетельствует о существовании языкового рынка, на котором одни языки (прежде всего, английский, а за ним суперцентральные языки) имеют высокую стоимость, а другие – периферические языки – девальвированы. На вершине иерархии находятся международные языки-посредники (английский, французский, испанский, русский, малайский и т.д.), которые занимают это место благодаря выполнению посреднической функции, а не числу носителей. Японский, например, имеет такое же число носителей, что и французский, но не выполняет функции языка-посредника.

Поскольку гравитационная модель отражает неустойчивость мировой системы языков, неизбежно встает вопрос о направлениях ее развития. Ситуация изменилась в самом конце XX в. – начале XXI в., когда в мировой языковой ситуации стали проявляться два явления: во-первых, рост национализма, во-вторых – растущая боязнь глобализации. Английский язык воспринимается не только как имперский язык, но и как языковое воплощение нового мирового порядка, который подвергается критике с самых разных точек зрения.

Протесты против различных аспектов глобализации выражаются, главным образом, странами, принадлежащими к центру гравитационной модели, взявшими на себя роль защитников периферии, что приводит к целому ряду недоразумений.

Представление в виде концентрических кругов является наглядной демонстрацией идеи о том, что языковые потребности индивидов и языковых групп меняются в

зависимости от ситуации. Некоторые языки, незаменимые в одних ситуациях, в других ситуациях пригодны только для внутрисемейной коммуникации, другие используются государством, которое управляет ими в соответствии со своими принципами языковой политики.

Применительно к отдельному индивиду возникает модель использования языков, при которой каждый нуждается в языках трех типов [Calvet, 2010, p. 12]:

1. Международный язык для внешней коммуникации. Чаще всего эту функцию выполняет английский язык, который в результате глобализации стал не просто одним из международных, но глобальным языком.
2. Государственный язык – как правило, суперцентральный или центральный, позволяющий участвовать в политической жизни своей страны.
3. Общинный язык, который может быть местной формой государственного языка или другим языком, иметь или не иметь письменной формы и/или регионального статуса.

В этой трехуровневой схеме под влиянием глобализации может исчезать второй уровень – государственный язык. Логика глобализации ведет к устранению промежуточных, суперцентральных языков, которые пытаются оказать ей более или менее активное сопротивление. В Европе применение этого принципа может привести к доминированию английского, окруженного множеством региональных языков (галлийского, каталанского, баскского, корсиканского, эльзасского и т.д.), в то время как французский и испанский будут сведены к уровню центральных языков. С этой точки зрения, защита слабых языков ведет к усилению доминирования суперцентрального языка, аналогично тому, что имело место при распаде колониальной системы, когда языковое разделение привело к укреплению колониальных языков: английского, французского, испанского, португальского.

Уступка национальными языками ряда своих функций английскому языку приводит к новому лингвистическому явлению – потере функциональности (*domain loss*), которая является первым шагом к смене языка (*language shift*).

Поскольку гегемония английского языка уже в течение длительного времени является целью государств с доминирующим англо-саксонским населением, тратящим для ее достижения огромные средства, страны, желающие сохранить достойное место своих национальных языков в новом языковом порядке, также должны выработать четкую языковую политику и предусмотреть ресурсы (как финансовые, так и человеческие) для ее реализации.

Что касается Российской Федерации, на сегодняшний день у нее отсутствуют три важнейших компонента такой языковой политики: 1) нет концепции национальной языковой политики; 2) отсутствует государственный орган, ответственный за проведение этой политики (наподобие Генеральной делегации по французскому языку и языкам Франции, ежегодные отчеты которой рассматриваются на совместных заседаниях обеих палат Национального собрания); 3) отсутствуют достоверные статистические данные об использовании русского языка и языков народов РФ в субъектах федерации.

Библиографический список

Марусенко М. А. Языковая политика Франции. СПб: Издательский дом СПбГУ, 2011. 624 с.

Тацит К. Сочинения в двух томах. Том I. «Анналы. Малые произведения». М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. 444 с.

Attali J. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. Times Books/Random House, 1991. 130 p.

Bastardas-Boada A. Language and Identity Policies in the 'Glocal' Age: New Processes, Effects, and Principles of Organization. Generalitat de Catalunya: Institut d'Estudis Autònoms, Barcelona, 2012. 286 p.

Breen K., O' Neill S. (Eds). After the nation? Critical reflections on nationalism and postnationalism. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2010. 278 p.

Burchfield R. W. The English Language. Oxford: Oxford University Press, 1985. 194 p.

Calvet L.-J. La mondialisation au filtre des traductions // Hermès. 2007. № 49. P. 45-46.

Calvet L.-J. Mondialisation, langues et politiques linguistiques // <http://ressources-cla.univ-fcomte.fr/gerflint/Chili1/Calvet.pdf>. 2010. 12 p.

Churchill W. S. The Gift of a Common Tongue. September 6, 1943. Harvard // URL: <http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/1941-1945-war-leader/420-the-price-of-greatness-is-responsibility> (дата обращения: 25.04.2016).

Garrett P., Evans B., Williams A. What Does the Word 'Globalisation' Mean to You?: Comparative Perceptions and Evaluations in Australia, New Zealand, the USA and the UK // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2006. Volume 27. Issue 5. P. 392-412.

Kotkin J. The New World Order // URL: http://www.li.com/docs/default-source/surveys-of-entrepreneurs/new-world-order-2011_final.pdf (дата обращения: 30.04.2016).

Phillips P., Huff M., Higdon N. Ukraine: another step in capitalism's global dominance strategies and power inside the transnational global corporate class and US-NATO global empire // St. Lendman (Ed). Flashpoint in Ukraine. How the US drive for hegemony risks World War III. Atlanta, GA: Clarity Press, 2014. P. 54-63.

Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992. 365 p.

Phillipson R. Linguistic imperialism continued. New York and London: Routledge, 2009. 288 p.

Phillipson R. One area, one market, one language: linguistic McDonaldisation and EU rhetoric // Cl. Schmidt-Hahn (Ed). Sprache(n) als europäisches Kulturgut. Languages as European cultural asset. Innsbruck: Studienverlag, 2012. P. 115-126.

Punti G. Albert Bastardas-Boada: Language and Identity Policies in the 'Glocal' Age: New Processes, Effects, and Principles of Organization // Language Policy. 2015. Vol. 14. P. 419-421.

The British Council's Annual Report 1960-1961 // URL: https://www.teachingenglish.org/sites/teacheng/files/F044%20ELT-29%20The%20English%20Language%20Abroad_v3.PDF (дата обращения: 20.12.2015).

Troike R. C. Editorial: The Future of English // *The Linguistic Reporter*. 19/8. 1977. P. 2.
Vila F. X. Challenges and opportunities for MSLCs in the 21st century // F. X. Vila (Ed).
Survival and development of language communities: Prospects and challenges. Bristol:
Multilingual Matters, 2013. P. 179-200.